PV
3401
Ник

БЕСѢДА

ПРЕОСВЯЩЕННАГО НИКАНОРА,

АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ОДЕССКАГО,

ВЪ НЕДѢЛЮ БЛУДНАГО СЫНА,

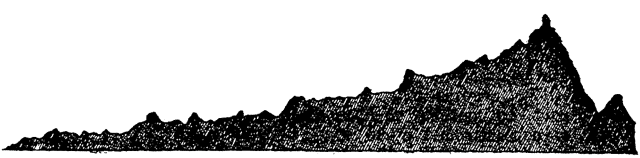
ПРИ ПОМИНОВЕНІИ РАБА БОЖІЯ

АЛЕКСАНДРА (ПОЭТА ПУШКИНА),

ПО ИСТЕЧЕНІИ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ ПО СМЕРТИ ЕГО.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Аѳонскаго русскаго Пантелеимонова монастыря.



МОСКВА.
Типо-Литографія И. Ефимова, бол. Якиманка, домъ Смирновой.
1889.

КАТАЛОГЪ КНИГАМЪ
изданія Аѳонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря.

Страсти Христовы На веленевой бумагѣ, съ политипажами. Москва. 1879 г.; цѣна 50 к., съ пересылкою 70 к

Сказанія о земной жизни Пресвятой Богородицы, съ изложеніемъ ученія церкви прообразованій и пророчествъ, относящихся къ Ней, и чудесъ Ея, на основаніи Священнаго Писанія, свидѣтельствъ св. отцевъ и церковныхъ преданій Съ 14 рисунками, и 26 политипажами, представляющими святыя мѣста, событія изъ жизни Божіей Матери и прообразованія о Ней. Въ книгѣ этой изъ разныхъ достовѣрныхъ источниковъ собрано многое, касающееся земной жизни Пресвятой Богородицы въ такой полнотѣ, въ которой доселѣ не было подобнаго сочиненія Изданіе 5-е Вновь исправленное и дополненное. Москва 1888 г.; ц 1 р 50 к., за пересылку 50 коп.

Избранныя слова св. отцевъ въ честь и славу Пресвятой Богородицы, съ изображеніемъ подобія чудотворной иконы Божіей Матери, именуемой Одигитріи (Путеводительницы). Изд. 2-е. Москва 1885 г.; ц. 50 к., за пересылку 15 к.

Бесѣды и нравоученія во славу Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы Заимствованы изъ книги «Руно орошенное» составленной св Димитріемъ Ростовскимъ. Изд. 2-е Москва 1884 г.; ц. 50 к., съ пересылкою 70 коп

Христіанскія пѣснопѣнія пресвятѣй Царицѣ Небеснѣй Приснодѣвѣ Маріи Богородицѣ. Составлены по подобію псалмовъ. Дополнен. изд. 2-е. Моск 1883 г.; ц 60 к.. съ перес 80 к.

Вышній покровъ надъ Аѳономъ, или сказанія о чудотворныхъ въ Аѳонѣ прославившихся иконахъ Божіей Матери и святыхъ угодниковъ Божіихъ. На веленевой бумагѣ съ 39 литографированными изображеніями чудотворныхъ иконъ Описаніе иконъ этихъ и бывшихъ отъ нихъ благодатныхъ знаменій являетъ великое милосердіе Пресвятой Богородицы къ земному Ея удѣлу св Аѳонской горѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ знакомитъ читателя съ замѣчательными событіями, совершившимся на св Аѳонѣ отъ прославленныхъ чудотвореніями иконъ. Изд. 7-е, дополненное. Москва 1881 г.; ц. 2 р., за перес. 50 к.

Аѳонскій патерикъ. Вновь исправленное изданіе, на веленевой бумагѣ, 2 части съ литографированными изображеніями святыхъ, во Аѳонѣ подвизавшихся Книга эта вполнѣ знакомитъ съ Аѳонскими подвижниками древнихъ и среднихъ вѣковъ. Изд. 7-е. Москва 1883 г.; ц. 3 р. за пересылку 60 к.

Письма святогорца о Святой Горѣ Аѳонской, съ портретомъ автора и видомъ келіи его, съ приложеніемъ его біографіи и стихотвореній. Изд. 6-е, исправленное и дополненное. Моск. 1883 г.; ц. за 4 части 3 р., за перес. 60 к.; а за 3 части 2 р. 25 к., за перес. 50 к., а за 1 стихотвор. 75 к. за перес. 25 коп.

Путеводитель по святому граду Іерусалиму и окрестностямъ его. Сочинен. *почившаго Іером Архенія*. При описаніи мѣстъ запечатлѣнныхъ страданіями Спасителя міра, изложено въ возможной полнотѣ описаніе и самыхъ священныхъ событій, совершившихся на мѣстахъ этихъ, съ 23 рисунками и 22 политипажами. Изд. 5-е. Москва. 1885 г ; ц. 1 р. 20 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Путеводитель по св Аѳонской Горѣ и указатель ея святынь и прочихъ достопамятностей. Съ 29 видами монастырей и скитовъ и съ 20-ю политипажами. Изд. 5-е. Моск. 1888 г.; ц. 75 к., за перес 25 коп.

Русскій монастырь св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона на Св. Горѣ Аѳонской. Изд. 7-е, исправленное и значительно дополненное, съ 15 рисунками на веленевой бумагѣ, сдѣланными по фотографическимъ снимкамъ. Москва. 1886 г., цѣна 1 руб., съ пересылкою 1 р. 30 к.

Абхазія и въ ней Ново-Аѳонскій Симоно-Кананитскій монастырь, съ планомъ Абхазскаго приморскаго берега, съ 21 рисункомъ памятниковъ Христіанства въ Абхазіи и съ планомъ Ново-Аѳонскаго монастыря Въ пользу строящейся обители на Кавказѣ. Новое изд. Москва 1885 г.; ц. 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Она же безъ картинъ съ одною картою Абхазіи. Изд. 2-е, (исправленное и умноженное). Москва 1887 г. Цѣна 35 коп., съ пересылкою 50 коп.

Житіе, страданія и чудеса св. великомученика и цѣлителя Пантелеимона, съ изображеніемъ Его и видомъ храма Никомидійскаго. Дополненное изд. 8-е. Москва 1882 г.; ц. 50 к., за перес. 20 к.

Акаѳистъ Божіей Матери, именуемой Троеручица, съ изображеніемъ чудотворной Ея иконы, находящейся на Св. Аѳонской горѣ. Церк. печ. съ кинв. Издан. 2-е. М. 1887 г. Цѣна 25 к., за пересылку отъ 1 до 4 экземп. 30 к.

Акаѳистъ Б М., именуемой «Достойно есть», съ изображеніемъ чудотворной Ея

PG

БЕСѢДА

ПРЕОСВЯЩЕННАГО НИКАНОРА,

АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ОДЕССКАГО,

ВЪ НЕДѢЛЮ БЛУДНАГО СЫНА,

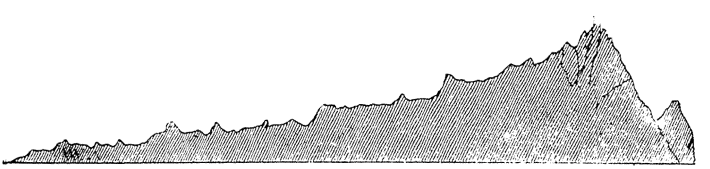
ПРИ ПОМИНОВЕНІИ РАБА БОЖІЯ

АЛЕКСАНДРА (ПОЭТА ПУШКИНА),

ПО ИСТЕЧЕНІИ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ ПО СМЕРТИ ЕГО.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

Аѳонскаго русскаго Пантелеимонова монастыря.



МОСКВА.
Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, д. Смирновой.
1889.

Пров. 1955
Пр.
РУ
3401
Ник

Отъ Московскаго духовно - цензурнаго Комитета, печатать дозволяется. Москва. Января 12 дня, 1889 года.

Цензоръ Священникъ *Григорій Дьяченко.*

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
3360
25

БЕСѢДА

ПРЕОСВЯЩЕННАГО НИКАНОРА,

АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ОДЕССКАГО,

ВЪ НЕДѢЛЮ БЛУДНАГО СЫНА,

при поминовеніи раба Божія

АЛЕКСАНДРА (ПОЭТА ПУШКИНА),

по истеченіи пятидесятидѣтія по смерти его *).

Бяху приближающеся ко Іисусу вси мытари и грѣшницы, послушати Его. И роптаху фарисее и книжницы глаголюще, яко Сей грѣшникы пріемлетъ и съ ними ястъ. Рече же къ нимъ притчу сію глаголя: кій человѣкъ отъ васъ, имый сто овецъ, и погубль едину отъ нихъ, не оставитъ ли девятидесяти и девяти въ пустыни, и идетъ вслѣдъ погибшія, дондеже обрящетъ ю? И обрѣтъ возлагаетъ на рамѣ свои радуяся. И пришедъ въ домъ, созываетъ други и сосѣди, глаголя имъ: радуйтеся со мною, яко обрѣтохъ овцу мою погибшую. Глаголю вамъ, яко тако радость будетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся паче, нежели о девятидесятихъ и девяти праведникъ, иже не требуютъ покаянія... Рече же: человѣкъ нѣкій имѣ два сына (Лук. гл. 15)... Послѣ чего Господь изрекъ притчу о блудномъ сынѣ.

*) Изложена въ общихъ сокращенныхъ чертахъ въ церкви Новороссійскаго университета.

По независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ пришлось намъ поминать заупокойнымъ моленіемъ цѣлыхъ трехъ, самыхъ великихъ нашихъ писателей въ день евангельскаго блуднаго сына, сперва Достоевскаго, затѣмъ Аксакова, а теперь вотъ поминаемъ раба Божія Александра Пушкина, великаго нашего поэта, по исполненіи пятидесятилѣтія со дня его кончины.

И прекрасно, что въ день блуднаго сына. Это наводитъ на знаменательнѣйшія сближенія.

Говори о мертвыхъ хорошо, или не говори ничего, — это языческое, не христіанское правило. Да и языческое не всеобщее, а только греко-римское или даже исключительно римское правило, котораго впрочемъ и римляне держались не строго; иначе не могло бы быть никакой исторіи и исторической оцѣнки. А вотъ глубоко-религіозный народъ древніе Египтяне, такъ тѣ поступали какъ разъ наоборотъ. Тѣ, по смерти каждаго, особенно же важнаго вліятельнаго лица, обсуждали его дѣла особымъ трибуналомъ судей жрецовъ, въ соотвѣтствіе подобному же суду объ умершемъ предъ трибуналомъ судей загробныхъ, и только послѣ такого суда, согласно приговору судей жрецовъ, удостоивали умершаго или же не удостоивали погребальныхъ почестей. Обычай уже весьма близкій, по своему духу, къ духу христіанскому. Христіанство же о всякомъ умершемъ молитъ Бога, чтобы благій человѣколюбецъ Богъ простилъ почившему *всякое согрѣшеніе, содѣянное словомъ или дѣломъ или помышленіемъ: яко нѣсть человѣкъ, иже поживетъ и не согрѣшитъ*. Нельзя говорить о жизни и дѣяніяхъ апостоловъ Петра и Павла, царей Давида и Соломона, не касаясь Петрова отреченія отъ Христа, Павлова гоненія на Христа, Давидова покаяннаго псалма: *Помилуй мя Боже*, и Соломонова Экклезіаста, съ

обстоятельствами, при которыхъ покаянный псаломъ и Экклезіастъ написаны. И этимъ упоминаніемъ не наносится оскорбленія святой памяти св. мужей. По этой почетной аналогіи не нанесемъ оскорбленія памяти и поминаемаго великаго поэта, если коснемся его заблужденій. Онъ самъ хотѣлъ завѣщать и завѣщалъ свои мысли и чувства, дѣла и слова памяти потомства. Что же? Мы и помнимъ, и теперь вспоминая исполняемъ только его собственное завѣщаніе....

Сегодня во всѣхъ концахъ Россіи будутъ прославлять его и только прославлять. Мы же напомнимъ вамъ, что поминаемый нашею и вашею молитвою рабъ Божій Александръ самъ себя сопоставлялъ съ евангельскимъ блуднымъ сыномъ, что вотъ онъ, „какъ отрокъ библіи, безумный расточитель, до капли истощивъ раскаянья фіалъ, увидѣвъ наконецъ родимую обитель, главой поникъ и зарыдалъ“. Евангельская притча, произведеніе творчества небеснаго, превосходящаго, покрывающаго и освѣщающаго всякое самое превыспреннее творчество земное, освѣтитъ знаменательно-умилительнымъ свѣтомъ несчастную кончину, какъ и всѣ грѣхопаденія нашего поэта, какъ и раскаянье его и всѣ доблести, и прояснитъ намъ, за что это мы за него всероссійскимъ соборомъ молимся, и о чемъ молимся.

Это былъ сынъ Отца небеснаго, какъ и всѣ мы, но сынъ особенно любимый, потому что необычайно одаренный. Въ домѣ Отца небеснаго пребывалъ онъ кроткою вѣрою не долго, повидимому, только въ чистомъ невинномъ дѣтствѣ, къ которому такъ нерѣдко обращался съ сладкими воспоминаніями, вздыхая къ возникающимъ въ измученной заблужденьями душѣ видѣньямъ первоначальныхъ чистыхъ дней. Недостатки общаго россійскаго воспитанія высшихъ классовъ того времени

онъ осмѣиваетъ; недостатокъ своего собственнаго первоначальнаго воспитанія онъ впослѣдствіи даже проклиналъ, выражаясь его крайне сильнымъ языкомъ. Тѣмъ не менѣе первоначальное религіозное развитіе его не было совсѣмъ же скудно. И этимъ развитіемъ онъ былъ обязанъ, повидимому, не отцу, о которомъ его отзывы вообще непочтительны, не матери, о которой почти нигдѣ не упоминаетъ, а старой нянѣ, которая вложила въ его душу зачатки народно-религіозной поэзіи. И эта старая няня была для него чуть ли не самое родное существо изъ всѣхъ руководителей его дѣтства. Кое что къ религіозному развитію его, если не развитію въ немъ религіознаго духа, то къ развитію ума въ познаніи религіи прибавили уроки по закону Божію въ лицеѣ. За то его глубокій духъ, погружаясь въ обще-религіозное сознаніе русскаго народа и всего, какъ христіанскаго, такъ и магометанскаго, какъ древле, такъ и ново-языческаго человѣчества, проникалъ это волнующееся, то свѣтлое, то мрачное море до послѣднихъ его глубинъ. И это то соприкосновеніе съ колебаніями современнаго ему религіознаго сознанія отразилось тяжкими колебаніями въ его собственномъ духѣ.

Можно сказать, что съ удаленіемъ изъ дома отеческаго, для дальнѣйшаго образованія въ Лицеѣ, онъ удалился и изъ дому Отца небеснаго, и съ тѣхъ поръ сталъ расточать свои великіе прирожденные дары, дары Отца небеснаго, живый блудно, нечисто живя и мысля, говоря и поя свои пѣсни, пиша и уча другихъ, уклоняясь отъ праваго пути къ небу на страну далече, дальше и дальше. Въ кругѣ, въ которомъ онъ родился, въ кругѣ, въ которомъ онъ воспытывался, онъ видѣлъ вездѣ опыты французскаго Вольтеріанскаго вольнодумста и примѣры соотвѣтственной Вольтеріанскому

міровоззрѣнію жизни. Обладая съ дѣтства французской рѣчью лучше, чѣмъ родною, онъ слишкомъ рано познакомился съ произведеніями Вольтера, Парни и другихъ французовъ тогоже Вольтеріанскаго, скептическаго, отрицательнаго закала. Конечно, дѣтскій умъ его не могъ побороть эту мощную фалангу идей анти-религіознаго анти-христіанскаго строя, и въ свою очередь увлекся. Необычайная же соблазнительная прелесть его чуть не дѣтскихъ стихотвореній, подхваченная всеобщимъ одобреніемъ, прельстила его самого мыслить и чувствовать не иначе, какъ вслухъ всего свѣта. *Прилежатъ человѣку помышленія на злая отъ юности его,* особенно же прилежатъ блудныя помышленія. И вотъ зашумѣла Пушкинская поэзія соловьиными пѣснями въ честь извѣстной богини Киприды и ея культа. Любимѣйшій сынъ неба, высоко-одаренный поэтъ не только нечисто мыслилъ и чувствовалъ, но и поступалъ, и не только поступалъ, мыслилъ и чувствовалъ, но и высказывалъ свои мысли и чувства, стремленія и поступки прелестными стихами. Всѣ изумились этой прелести и извинили, а извинивъ и пристрастились къ ней. И какъ мы низко упали къ нашему времени, далеко ниже древле-языческаго міра! Даже у язычниковъ такія дѣла считались постыдными (pudenda), а рѣчи въ обнаженныхъ подробностяхъ невозможными. Увы! Нашъ поэтъ всякую нечистую свою мысль выражалъ вслухъ всего свѣта. Всякое нечистое чувство выражалъ въ слухъ всего свѣта. Увы! Даже нечистыя дѣла изображалъ предъ лицемъ всего свѣта. И нашъ свѣтъ всему этому началъ рукоплескать! Это постыдно въ глазахъ всего міра; но въ глазахъ нашего, увы! русскаго, увы! православнаго міра нѣтъ, непостыдно, это красиво, это даже, по мнѣнію нѣкоторыхъ,—страшно сказать,—высо-

ко-нравственно, понеже природѣ вѣрно. Видимъ мы въ этой поэзіи не только обнаженіе блуда, не только послабленіе ему, но и одобреніе его въ принципѣ, но и воспѣваніе его въ обольстительныхъ звукахъ, но и всяческое поощреніе къ нему, но и заповѣданіе его въ предсмертныхъ завѣщаніяхъ поэта. Въ этомъ направленіи ниспаденіе его дѣломъ, мыслію и острымъ мѣткимъ словомъ простиралось, повидимому, до послѣднѣйшихъ крайностей. Гдѣ мы что подобное видимъ? Гомеръ, Виргилій и Горацій, безъ сомнѣнія, безконечно стыдливѣе. Даже Байронъ, несмотря на нѣкоторую поэму, цѣломудреннѣе въ творческомъ словѣ. У Гете, у Шиллера, у Шекспира ничего подобнаго. Доказательство того, что можно стяжать славу міровыхъ поэтовъ, не наигривая на подобныхъ струнахъ въ слухъ всего міра. Зримъ нѣсколько, да и то меньше подобнаго, только у Анакреона, которому нашъ поэтъ намѣренно подражалъ; но Анакреону такая и честь, какъ и одному изъ нашихъ жалчайшихъ подражателей этой нечисти. Не говорите о высокой нравственности даже извѣстнаго Пушкинскаго идеала женщины: бѣдная, жалости сердца достойная! Состоя въ супружествѣ, она всею душею, сердцемъ и помыслами принадлежитъ предмету своей страсти, сохранняя до сей минуты для мужа вѣрность только внѣшнюю, о которой сама отзывается съ очень малымъ уваженіемъ, чуть не съ пренебреженіемъ. Гдѣ же тутъ высоко-нравственный христіанскій бракъ, сліяніе двухъ существъ въ единую плоть и душу, въ единаго человѣка? И за это она идеалъ нравственной женщины и супруги. Какъ мы падаемъ и въ міросозерцаніи, и въ нравахъ, и даже въ нравственныхъ правилахъ. Вотъ продолжатели нашего поэта въ томъ же направленіи, тѣ послѣдовательнѣе; тѣ просто и откровенно провозгла-

сили самый бракъ, въ подобныхъ соотношеніяхъ сердецъ, развратомъ, а прелюбодѣяніе съ другомъ сердца —нравственнымъ долгомъ.

Грѣхи въ одиночку по міру не ходятъ, но одинъ поведетъ съ собою и другіе. Поклоненіе Кипридѣ не могло не вести за собой поклоненіе и Вакху и всѣмъ языческимъ божествамъ. Это не игра словъ. Въ самомъ дѣлѣ, у нашего поэта это было настоящее душевное идолопоклонство, дѣйствительное поклоненіе божествамъ классическаго язычества, постоянное призываніе ихъ, посвященіе имъ мыслей и чувствъ, дѣлъ и словъ. Это было поэтическое провозглашеніе худшаго и въ язычествѣ культа, эпикурейскаго: *да ямы,* а главное *да піемы*, да насладимся утѣхами минуты, *утрь бы умремъ*. Это была не только проповѣдь и исповѣдь, было не только опасеніе, но чуть не сладкая надежда, чуть не молитвенное чаяніе, что по смерти мы очутимся въ области блѣдныхъ безличныхъ тѣней, лишь бы заснуть подъ маніемъ самыхъ игривыхъ языческихъ божествъ Вакха и Аполлона, музъ и харитъ, Киприды и Купидона. Было въ этой поэзіи, не скажу, мысленно—словесное отрицаніе христіанства, но хуже того, было кощунственное сопоставленіе его съ идолопоклонствомъ, кощунственное пріурочиванье его къ низшему культу низшихъ языческихъ божествъ, при чемъ необузданность ума и слова играла сопоставленіями священныхъ изреченій съ непристойными образами и влеченіями. Куда наконецъ дальше идти? Гдѣ мы что подобное видимъ, особенно у иностранцевъ?! И все это прощалось, всему этому даже рукоплескали, и недаромъ, потому что на всемъ этомъ, на всякомъ самомъ мелкомъ образѣ лежала печать безпредѣльно богатаго, остраго, огневаго дарованія. Сами языческіе поэты, даже величайшіе изъ нихъ, по

крайней мѣрѣ, для насъ изображаютъ древній языческій идолопоклонническій культъ не въ такихъ обаятельныхъ чертахъ, какъ нашъ совратившійся было въ язычество поэтъ.

Этого мало. Вслѣдъ за пѣснями въ честь языческаго культа, нашъ поэтъ воспѣваетъ и всѣ страсти въ самомъ дикомъ ихъ проявленіи: половую ревность, убійство, самоубійство, игру чужою и своею жизнію.... И чего чего онъ не воспѣваетъ?! Воспѣваетъ кровожадность Наполеона также, какъ и революціонеровъ XVIII вѣка. Особенно революціонная свобода была его кумиръ... Правда, все это высоко-художественно изображаетъ и новѣйшій нашъ исполинъ мысли художникъ Достоевскій; но у этого въ концѣ концовъ возбуждается жалость съ отвращеніемъ къ сцѣпленію всѣхъ изображаемыхъ страстей, съ желаніемъ избыть отъ этого давящаго кошмара. У гиганта же поэта всякая страсть, рисуемая гигантскою кистью, выходитъ какимъ то также исполиномъ, выходитъ предметомъ, привлекающимъ сочувствіе и жалость, чуть не жертвоприношеніемъ исполненію долга. Его полудобродѣтельная Татьяна возбуждаетъ такую же жалость, какъ и безнравственный Онѣгинъ, какъ и пустой легкомысленный Ленскій; удалой самозванецъ Пугачевъ также, какъ и жертва его звѣрства, безстрашный самоотверженный капитанъ съ своей душевно-привлекательною дочерью; мудрый, но преступный и злосчастный Борисъ также, какъ и отважный до дерзости, изворотливый лже-Димитрій. Это оттого, что всѣ они милыя сердцу его дѣти его воображенія; оттого, что у него всякое страстное влеченіе есть идеалъ, есть культъ, есть идолъ, которому человѣческое сердце призывается приносить себя въ жертву до конца. И если приносить себя въ жертву до конца, то и прекрасно.

Такой идеалъ и достоинъ поэзіи, будь онъ разбойникъ или мятежникъ, лишь былъ бы удалой и упорный. Даже насмѣшки его, самыя злыя эпиграммы не возбуждаютъ негодованія. Они всѣ необычайно остры, а поэтому какъ-то особенно милы и кладутъ на свой предметъ печать развѣ только забавнаго, но не отталкивающаго. У нашего поэта всякая букашка имѣетъ право на жизнь въ мірѣ Божіемъ; всякая страсть имѣетъ право на развитіе и процвѣтаніе, лишь бы она цвѣла и развивалась и давала привлекательно-поразительный предметъ для сильной поэтической кисти. Даже желая повидимому раздавить многихъ и многое, нашъ поэтъ не раздавилъ никого и ничего, разбивъ развѣ только себя самого, свою собственную душу.

Выходитъ, что нашъ поэтъ всѣ свои помыслы и чувства, всѣ силы и дарованія, слишкомъ много ихъ, выражаясь глубоко-знаменательнымъ церковно-славянскимъ языкомъ, посвятилъ на служеніе похоти плоти вопервыхъ (не такъ ли?), похоти очесъ (не такъ ли?) и гордости житейской (не такъ ли?); посвятилъ страстямъ, сидящимъ въ сердцѣ человѣческомъ, въ нашемъ плотскомъ душевномъ человѣкѣ, который воюетъ противъ человѣка духовнаго; посвятилъ споборающимъ другъ другу въ сей войнѣ нашей плоти, міру и князю міра сего. Скажутъ, вы тутъ толкуете чуть ли не о сатанѣ? Даже что вы тутъ толкуете о мірѣ? Міру то нашъ поэтъ и не кланялся? Да, міръ свой онъ дѣлилъ на двѣ части: одну ему несочувственную, другую сочувственную, относя къ послѣдней все свободолюбивое, мятежное, отважное, непоборимое, чувственно-прекрасное, игривое, вольнодумное, отрицающее. Этого міра онъ былъ пѣвецъ, угодникъ и рабъ столько же, какъ другаго міра врагъ и отрицатель. Для опозоренія этого другаго міра, для

униженія, для всколебанія онъ сдѣлалъ съ своей стороны, что только, по окружающимъ его условіямъ, по силѣ своего дарованія и темперамента, онъ могъ сдѣлать. Какъ и наоборотъ въ угоду, честь и славу перваго міра сдѣлалъ сколько могъ, очень много сдѣлалъ. Это порывистое угодничество его предъ міромъ, до прежде всѣхъ и всего предъ собою и своими страстями, было стремленіемъ великомощнаго духа не къ центру истинной жизни Богу, но отъ центра по тысячѣ радіусовъ, въ погонѣ за призрачнымъ счастьемъ, за удовлетвореніемъ разныхъ похотей, сладострастія, славолюбія, гордыни, — было стремленіемъ отъ центра духовной жизни къ противоположному полюсу бытія, во власть темной силы или темныхъ силъ...

Упоминать ли, слѣдя за евангельскимъ изложеніемъ и о томъ, какъ блудный сынъ, скитаясь внѣ отеческаго крова, усиливался прилѣпляться то къ одному, то къ другому изъ жителей тоя страны, гдѣ скитался, и тутъ терпя всякія бѣды и лишенія, вынуждался, по евангельскому изреченію, пасти самыя низменныя пожеланія?..

Въ себе же пришедъ наконецъ, *рече: колико наемниковъ отца моего избываютъ хлѣбы, азъ же гладомъ гиблю?* Подниматься ему однакоже было нелегко; вставалъ онъ долго, не короче того, какъ и падалъ. Вспомните, сколько у него стихотвореній вылилось въ этомъ состояніи его духа. Это самыя чистыя и самыя возвышенныя созданія его поэзіи, вызывающія на глубокое раздумье. Вотъ это дѣйствительно тотъ высоко-нравственный урокъ, который преподаетъ онъ намъ изъ-за своего гроба.

Онъ отрокъ Библіи, безумный расточитель (блудный сынъ), до капли выпивъ раскаянья фіалъ, увидѣвъ наконецъ родимую обитель, главой поникъ и зарыдалъ. Въ пылу восторговъ скоротечныхъ, въ безплодномъ вих-

рѣ суеты, о, много расточилъ сокровищъ онъ сердечныхъ, за недоступныя и преступныя мечты. И долго онъ блуждалъ, и часто утомленный, раскаяньемъ горя, предчувствуя бѣды, онъ думалъ о своемъ невинномъ отрочествѣ, вспоминая чистыя видѣнья дѣтства. Многое перемѣнилось въ жизни для него, и самъ, покорный общему закону, перемѣнился онъ. Еще молодъ онъ былъ, но уже судьба его борьбой неровной истомила. Онъ былъ ожесточенъ. Въ унынiи часто онъ помышлялъ о юности своей, утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ, о строгости *заслуженныхъ* упрековъ, и горькiя кипѣли въ сердцѣ чувства. Онъ проклиналъ коварныя стремленья *преступной* юности своей. Онъ сознавалъ, что въ часы забавъ иль праздной скуки, бывало лирѣ онъ своей ввѣрялъ изнѣженные звуки безумства, лѣни и страстей, хоть и тогда уже струны лукавой невольно звукъ онъ прерывалъ, и лилъ потоки слезъ нежданныхъ и ранамъ совѣсти своей искалъ цѣлебнаго елея. Самолюбивыя мечты, утѣхи юности безумной! взывалъ онъ. Когда на память мнѣ невольно придетъ внушенный ими стихъ, я содрогаюсь, сердцу больно, *мнѣ стыдно идоловъ моихъ*. Къ чему несчастный я стремился? Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ? Кого восторгомъ чистыхъ думъ боготворить не устыдился? Ахъ, лира, лира! Зачѣмъ мое безумство разгласила? Ахъ, еслибъ Лета поглотила мои летучiя мечты! Увы! Лира разгласила, а Лета не поглотила. Онъ пережилъ свои желанья, онъ разлюбилъ свои мечты. Ему остались лишь одни страданья, плоды сердечной пустоты. Онъ возненавидѣлъ самую жизнь, будучи не въ состоянiи понять ея смысла. Даръ напрасный, даръ случайный, жизнь зачѣмъ ты мнѣ дана? спрашиваетъ онъ отчаянно. Иль зачѣмъ судьбою тайной ты на казнь осуждена! Кто меня, враж-

дебной (будто бы) властью, изъ ничтожества воззвалъ, душу мнѣ наполнилъ страстью, умъ сомнѣньемъ взволновалъ? Цѣли нѣтъ передо мною: сердце пусто, празденъ умъ, и томитъ меня тоскою однозвучный жизни шумъ. Въ умѣ, подавленномъ тоской, тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ. Воспоминаніе безмолвно предо мной свой длинный развиваетъ свитокъ. И *съ отвращеніемъ* читая жизнь мою, я трепещу и проклинаю, и горько жалуюсь, и горько слезы лью, но строкъ печальныхъ не смываю. Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ, въ безумствѣ гибельной свободы, въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ мои утраченные годы. Я слышу вновь друзей предательскій привѣтъ. на играхъ Вакха и Киприды, и сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ неотразимыя обиды. Спасаясь отъ этихъ обидъ, главнымъ же образомъ отъ пустоты собственнаго сердца и отъ безцѣльности жизни, онъ не разъ призывалъ къ себѣ и смерть; онъ не разъ серьезно обсуждалъ намѣреніе самоубійства; онъ три раза дрался на поединкахъ, три раза выстрѣлы противниковъ въ него не попадали, а онъ оканчивалъ дѣло шуткой и стихомъ, иногда не не жестокими. пока на четвертомъ поединкѣ и не сраженъ. Къ самой смерти онъ относился не съ тѣми чувствами и мыслями, какъ должно, не съ покорностью, а съ презрѣньемъ, не съ вѣрою, а почти съ невѣріемъ. Вотъ предчувствуетъ онъ: „снова тучи надо мною собралися въ тишинѣ; рокъ (будто бы) завистливый бѣдою угрожаетъ снова мнѣ. *Сохраню-ль къ судьбѣ презрѣнье?* Понесу-ль на встрѣчу ей непреклонность и терпѣнье гордой юности моей? Бурной жизнью утомленный, равнодушно бури жду. Можетъ быть, еще спасенный, снова пристань я найду. Но предчувствую разлуку, неизбѣжный грозный часъ“. Въ загробную жизнь онъ и тутъ не очень то

вѣритъ: «его безчувственному тѣлу равно повсюду истлѣвать, и пусть у гробоваго входа младая будетъ жизнь играть, и равнодушная природа красою вѣчною сіять.“

Былъ ли онъ совсѣмъ невѣрующій? Нѣтъ. Достоевскій изрекъ, что былъ онъ всечеловѣкъ. Мы же скажемъ пока, что былъ онъ двойственный человѣкъ, плотской душевный и духовный. Служилъ онъ больше плоти, но не могъ заглушить въ себѣ и своего богато одареннаго духа. Глубоко постигалъ онъ и невѣріе и вѣру, и не только постигалъ, но и чувствовалъ, вмѣщая въ себѣ и то и другое. Читайте его **безвѣріе** *); это съ

*) Признаемъ это высокое стихотвореніе истинно назидательнымъ.

О вы, которые съ язвительнымъ упрекомъ,
Считая мрачное безвѣріе порокомъ,
Бѣжите съ ужасомъ того, кто съ первыхъ лѣтъ
Безумно погасилъ отрадный сердцу свѣтъ,
Котораго вся жизнь есть мракъ и изступленье!
Восплачьте вы о немъ, имѣйте сожалѣнье!
Взгляните на него—не тамъ, гдѣ каждый день
Тщеславіе на всѣхъ наводитъ ложну тѣнь,
Но въ тишинѣ семьи, подъ кровлею родною,
Въ бесѣдахъ съ дружествомъ, иль съ темною мечтою,
Взгляните: бродитъ онъ съ увядшею душей,
Своей ужасною томимый пустотой;
То горьки слезы льетъ, то рабъ страстей волненья,
Напрасно ищетъ онъ унынью развлеченья.
Напрасно, въ пышности свободной простоты,
Природы передъ нимъ открыты красоты;
Напрасно вкругъ себя печальный взоръ онъ водитъ:
Умъ ищетъ Божества, а сердце не находитъ.
Настигнетъ ли его глухимъ судебъ ударъ,
Отымется ли вдругъ минутный счастья даръ,
Въ любви ли, въ дружествѣ ль обнимаетъ онъ измѣну,
И невозвратную узнаетъ онъ имъ цѣну,—

себя онъ пишетъ такую глубоко-трагическую картину. Тѣмъ не менѣе онъ самъ о себѣ свидѣтельствуетъ, что законъ Божій онъ зналъ хорошо. По его словамъ, онъ слишкомъ съ библіей знакомъ, хотя тутъ же и злоупо-

---

Лишенный всѣхъ опоръ, отпадшій вѣры сынъ,
Ужъ видитъ съ ужасомъ, что въ мірѣ онъ одинъ,
И мощная рука къ нему съ дарами мира
Не простирается изъ-за предѣловъ міра.
Несчастные, страстей и немощей сыны.
Мы всѣ на страшный гробъ, родясь, осуждены;
Всечастно бренныхъ узъ готово разрушенье;
Нашъ вѣкъ невѣрный день; смерть быстрое затменье,
Когда холодна тьма объемлетъ грозно насъ.
Завѣсу вѣчности колеблетъ смертный часъ:
Ужасно чувствовать слезы послѣдней муку
И съ міромъ начинать безвѣстную разлуку!
Тогда, бесѣдуя съ оставленной душой,
О вѣра, ты стоишь у двери гробовой!
Ты ночь могильную ей тихо освѣщаешь
И ободренную съ надеждой отпускаешь.
Но, други, пережить ужаснѣе друзей!...
Лишь вѣра въ тишинѣ отрадою своей
Живитъ унылый духъ и сердца ожиданье:
«Настанетъ—говоритъ—назначено свиданье».
А онъ, слѣпой мудрецъ, у гроба стонетъ онъ!
Съ усладой бытія несчастный разлученъ,
Надежды тихаго не внемлетъ онъ привѣта:
Подходитъ къ гробу онъ, взываетъ... нѣтъ отвѣта!
Видали ль вы его въ безмолвныхъ тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ кровныхъ и друзей священный тлѣетъ прахъ?...
Видали ль вы его надъ хладною могилой?...
Къ почившимъ позванный вечерней тишиной,
Къ кресту приникнулъ онъ безчувственной главой;
Одинъ съ отчаяньемъ, въ слезахъ ожесточенья,

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

требляетъ своимъ знакомствомъ (изд. *Ефремова*, Т. VII, стр. 180). Читалъ онъ библію часто, ища въ ней источникъ вдохновенія и поэзіи; но и тутъ находилъ, что „Св. Д.—только иногда (не всегда) бывалъ ему по сердцу, а вообще онъ предпочиталъ Гете и Шекспира. И тутъ же рядомъ беретъ онъ уроки чистаго аѳеизма, встрѣтивъ именно у насъ въ Одессѣ „англичанина, глухаго къ вѣрѣ философа, умнаго аѳея, который исписалъ листовъ тысячу, чтобы доказать, что не можетъ быть существа разумнаго, Творца и Вседержителя, мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства и безсмертія души. Поэтъ находилъ эту систему не столь утѣшитель-

---

Въ молчаньи ужаса, въ безумствѣ изступленья,
Дрожитъ!...
Поникнулъ головой, трепещетъ и бѣжитъ.
Спѣшитъ онъ далѣе, но вслѣдъ унынье бродитъ.
Во храмъ Всевышняго съ толпой онъ молча входитъ,
Тамъ умножаетъ лишь тоску души своей:
При древнемъ торжествѣ священныхъ алтарей,
При гласѣ пастыря, при сладкомъ хоровъ пѣньѣ,
Тревожится его безвѣрное мученье.
Онъ Бога тайнаго нигдѣ, нигдѣ не зритъ;
Съ померкшею душой святынѣ предстоитъ;
Холодный ко всему и чуждый умиленью,
Съ досадой тихому внимаетъ онъ моленью,
«Счастливцы!» мыслитъ онъ; почто не можно мнѣ,
Страстей бунтующихъ въ смиренной тишинѣ,
Забывъ о разумѣ, и немощномъ и строгомъ,
Съ одной лишь вѣрою повергнуться предъ Богомъ!»
Напрасный сердца крикъ! Нѣтъ, нѣтъ, не суждено
Ему сей тайны знать! Безвѣріе одно
По жизненной стезѣ, во мракѣ, вождь унылый,
Несчастнаго влечетъ до вѣчныхъ вратъ могилы!

ною, какъ обыкновенно думаютъ, но къ несчастію болѣе всего правдоподобною“ (Т. VII, стр. 187). Замѣчательно, что докторъ атеистъ (Гунчисонъ), учившій его въ Одессѣ философіи атеизма, впослѣдствіи обратился къ вѣрѣ и былъ въ Лондонѣ ревностнымъ пасторомъ англиканской церкви. Въ тоже время поэтъ отклоняетъ подозрѣніе, будто самъ онъ проповѣдывалъ безбожіе. Онъ призываетъ Бога постоянно. Клянется Богомъ и душею своею клянется (Т. VII, стр. 305). Допускаетъ промыслъ Божій (Т. VII, стр. 287). Говоритъ и о божествѣ Христа. „Въ простомъ углу своемъ, средь медленныхъ трудовъ, одной картины онъ желалъ быть вѣчно зритель; одной, чтобъ на него съ холста, какъ съ облаковъ, Пречистая и нашъ божественный Спаситель, Она съ величіемъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ, взирали кроткіе во славѣ и въ лучахъ“, — хотя и здѣсь смѣшиваетъ чистое небесное съ низменнымъ земнымъ, такъ что и это прекрасное стихотвореніе выходитъ чуть не кощунствомъ. А въ тоже время по настроенію минуты вдругъ выражается: „ради вашего“ (т. е. не моего) „Христа“. Мѣтко разсуждаетъ о соотношеніи христіанства съ язычествомъ, Моисея съ Аристотелемъ, папизма съ протестанствомъ, иліады съ библіей, Давида съ Гомеромъ. Псалмамъ Давида удивляется; тексты Экклезіаста цитуетъ, Пѣснь пѣсней перелагаетъ въ стихи, конечно, извращая духовный ея смыслъ (Т. VII, стр. 343). Онъ молится Богу. Ходитъ въ церковь (Т. VII, стр. 316, 349). Посѣщаетъ монастыри. Приступаетъ къ таинствамъ, исповѣдуется, по крайней мѣрѣ, иногда. Слушаетъ молебны на дому, не только въ церкви. Заказываетъ паннихиды (VII, 7). Странно, что въ годовщину смерти поэта Байрона, онъ пишетъ: „нынче (7 апрѣля 1825 года Байронъ умеръ 7 апрѣля 1824 года) день смерти Байрона.

Я заказалъ съ вечера обѣдню за упокой его души. Мой п... удивился моей набожности и вручилъ мнѣ просфиру, вынутую за упокой раба Божія боярина Георгія". Шутилъ ли онъ при этомъ? Шутилъ, издѣвался очень часто, но не здѣсь. Одинъ, хорошо знакомый мнѣ человѣкъ, широко образованный и крѣпкій мыслитель, послѣдователь Гегеля, разъ выходитъ изъ церкви удаленнаго отъ города монастыря въ будній день съ заплаканными глазами, съ малыми дѣтьми и старою нянней.—„Что вы тутъ дѣлаете"? я спрашиваю.—„Паннихиду по женѣ служили".—„Для кого? Для няни, для дѣтей?"—Для нихъ и для себя.—„Вы вѣрите въ Бога, въ безсмертіе?"—Я гегельянецъ, вы знаете.—„Такъ кому же вы молитесь и о чемъ?"—„Знаете",—отвѣчаетъ онъ,—„это вяжетъ, молитва вяжетъ".—„Въ воспоминаніи вяжетъ?"—„ Нѣтъ, въ дѣйствительномъ, въ цѣломъ, абсолютномъ, коли хотите, вообще вяжетъ"...—Его серьезность, мужество, заплаканные глаза, весь характеръ и обликъ устраняли всякую тѣнь сомнѣнія. Думаю, что и нашъ поэтъ думалъ связать себя съ Байрономъ, служа о немъ, Англичанинѣ, полу—невѣрѣ, русскую заупокойную обѣдню. Высоко-замѣчателенъ отзывъ нашего поэта о Байронѣ. „Горестно видѣть",—разсуждаетъ нашъ поэтъ (V, 107—110), „что нѣкоторые вмѣшиваютъ въ мелочныя выходки и придирки своего недоброжелательства, или зависти къ какому либо извѣстному писателю, намеки и указанія на личныя его свойства, поступки, образъ мыслей и вѣрованіе. *Душа человѣка есть недоступное хранилище его помысловъ:* если самъ онъ таитъ ихъ, то ни коварный глазъ непріязни, ни предупредительный взоръ дружбы не могутъ проникнуть въ сіе хранилище. И какъ судить о свойствахъ и образѣ мыслей человѣка по наружнымъ его дѣйствіямъ? Онъ

можетъ по произволу надѣвать на себя притворную личину порочности, какъ и добродѣтели. Часто, по какому либо своенравному убѣжденію ума своего, онъ можетъ выставлять на позоръ толпѣ не самую лучшую сторону своего нравственнаго бытія; часто можетъ бросать пыль въ глаза черни однѣми своими странностями. Лордъ Байронъ часто былъ обвиняемъ въ развратности нрава, своекорыстіи, непомѣрномъ эгоизмѣ и безвѣріи. Послѣднее обвиненіе (въ безвѣріи) онъ самъ отрицалъ. Но вотъ еще обстоятельство. Лордъ Байронъ долгое время носилъ на груди своей какую-то драгоцѣнность на лентѣ. Думали, что это былъ любимый портретъ или восточный амулетъ. Но" оказалось, что это былъ крестъ, данный ему однимъ римско-католическимъ монахомъ, съ предсказаніемъ, которое поразительнымъ образомъ сбылось въ жизни и смерти поэта.„ Распятіе отыскано",—продолжаетъ нашъ поэтъ,—„по кончинѣ Байрона подлѣ его смертнаго одра."—„Прибавимъ",—многозначительно заключаетъ нашъ поэтъ,—„что если въ этомъ случаѣ вмѣшивалось отчасти и суевѣріе, то все таки видно, что вѣра внутренняя перевѣшивала въ душѣ Байрона скептицизмъ, высказанный имъ мѣстами въ своихъ твореніяхъ. Можетъ быть даже, что скептицизмъ сей былъ только временнымъ своенравіемъ ума, иногда идущаго вопреки убѣжденію внутреннему, вѣрѣ душевной".—Не себѣ ли самому произнесъ приговоръ нашъ поэтъ, произнося приговоръ поэту Байрону, что *„вѣра внутренняя перевѣшивала въ душѣ"* нашего поэта, какъ и въ душѣ Байрона, *„скептицизмъ, высказанный имъ мѣстами въ своихъ твореніяхъ?* Можетъ быть даже, что *скептицизмъ сей былъ только временнымъ своенравіемъ ума, иногда идущаго вопреки убѣжденію внутреннему, вѣрѣ душевной"*. Такой приго-

воръ и въ самомъ дѣлѣ произнесъ о немъ, тотчасъ по его смерти, ближайшій и умнѣйшій другъ его, князь Вяземскій: „Пушкинъ никогда не былъ умъ твердый (esprit fort, въ смыслѣ ума твердо-скептическаго), по крайней мѣрѣ, *не былъ имъ въ послѣдніе годы жизни своей, напротивъ онъ имѣлъ сильное религіозное чувство: читалъ и любилъ читать евангеліе, былъ проникнутъ красотою многихъ молитвъ*» (напр. *Господи Владыко живота моего*), «*зналъ ихъ наизустъ и часто твердилъ ихъ*».

Прибавить ли, что въ послѣдніе годы перемѣнились взгляды нашего поэта и на служителей Божіихъ, о которыхъ прежде не упоминалъ онъ иначе, какъ съ насмѣшкою? Теперь же онъ значенію духовенства и духовному образованію приписываетъ высшую государственную важность (VII, 45), признавая, что греко-православное исповѣданіе даетъ русскому народу особый народный характеръ; что въ Россіи вліяніе духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно въ земляхъ римско-католическихъ; что огражденное святыней религіи оно всегда было посредникомъ между народомъ и высшею властію; что монахамъ русскіе обязаны нашею исторіей, слѣдственно и просвѣщеніемъ. Упоминать ли, что теперь, глубже изучивъ исторію собиранія русскаго государства стягивающею силою власти, чего прежде иногда касался съ язвительною остротою, теперь онъ кинулъ всякій либеральный бредъ (VII, 61) и находитъ въ своей поэтической лирѣ звуки, глубоко сочувственные и признательные во славу царей, вождей, правителей русскаго народа и ихъ подвиговъ, хотя и прежде бунтъ и революція никогда ему не нравились (VII, 44); хотя въ тоже время онъ состоялъ въ перепискѣ со всѣми виновниками 14-го Декабря, и не раздѣлилъ ихъ грустную судьбу только по суевѣрно истолкованной слу-

чайности, точнѣе же, по благотворному мановенію спасающаго перста Божія. Теперь же онъ и Бога молитъ: „не приведи Богъ видѣть русскій бунтъ, безсмысленный и безпощадный. Тѣ“,—по слову поэта—историка,—„которые замышляютъ у насъ невозможные перевороты, или молоды и не знаютъ нашего народа, или ужъ люди жестокосердые, коимъ и своя и чужая головы недороги“ (IV, 344). Вообще несомнѣнно то, что въ послѣднихъ годахъ совершался въ немъ нравственный переворотъ, переворотъ глубокій, но медленный и тяжелый.

Теперь онъ началъ уразумѣвать и смыслъ жизни и любить ее. Думалъ еще устроить свое счастье перемѣною своего положенія. „Какъ смутное похмѣлье тяжело ему было безумныхъ лѣтъ угасшее веселье. Но какъ вино, печаль минувшихъ дней, въ его душѣ была чѣмъ старѣй, тѣмъ сильнѣй. Сулило ему трудъ и горе грядущаго волнуемое море. Но не хочу, о други, умирать,—взываетъ онъ. Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать. Порой опять гармоніей упьюсь, надъ вымысломъ слезами обольюсь. И можетъ быть, на мой закатъ печальный блеснетъ любовь улыбкою прощальной“. Увы! Обманчивая надежда. Она-то и ускорила его закатъ печальный, хотя и блеснула на него улыбкою прощальной. Онъ даже сознательно трудился надъ переработкою въ себѣ внутренняго нравственнаго строя; но сознавалъ, что трудился не особенно успѣшно, по той именно причинѣ, что много грѣховъ тяготѣло надъ его душею и грѣхъ тянулъ его на старую стезю къ погибели. „Напрасно онъ бѣжалъ къ Сіонскимъ высотамъ, чувствуя, что грѣхъ алчный гонится за нимъ вотъ по пятамъ; такъ ревомъ яростнымъ пустыню оглашая, взметая пыль и гриву потрясая, и ноздри пыльныя уткнувъ въ песокъ сыпучій, голодный левъ слѣдитъ оленя бѣгъ пахучій“.

Онъ чуялъ за собою гибель неминучую. Вѣроятно, при этомъ предносилось предъ умомъ поэта священное изреченіе первоверховнаго апостола: *се супостатъ вашъ діаволъ, яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. 5, 8). Душа поэта уже крѣпко завязла въ когти грѣха, изъ которыхъ самъ собою вырваться онъ былъ безсиленъ. Нуженъ былъ сильный ударъ со стороны спасительнаго Провидѣнія, чтобъ исторгнуть эту великую душу отъ конечнаго растерзанія.

По слову св. апостола Петра, человѣколюбецъ Богъ иногда тяжко наказываетъ въ сей жизни людей, нерѣдко даже безвременною мучительною смертью, какъ наказалъ потопомъ современниковъ Ноя, съ особой спасительною цѣлью, *да судъ и осужденіе люди пріимутъ по человѣку плотію*, пострадавъ во плоти, *поживутъ же по Богѣ духомъ* (1 Петр. 4, 6). По другому священному же изреченію, *имиже мы согрѣшаемъ, тѣми и мучимся;* то есть, чѣмъ согрѣшаемъ, тѣмъ и казнимся, *снѣдая своихъ путей плоды* (Прит. 1, 30). Поэтъ, какъ мы видѣли, надѣялся, что на его закатъ печальный любовь блеснетъ улыбкою прощальной. Эта — то надежда и привела его шагъ за шагомъ къ роковому исходу. Сватовство принесло его гордости цѣлый рядъ униженій. Супружество, для него уже въ поздніе годы, при растраченныхъ сокровищахъ сердца, съ цвѣтущею пока еще не распустившейся юностью, принесло ему много житейскаго труда, заботъ, и усталость нравственную и физическую, на которую, по обычаю высказываться въ слухъ всего міра, онъ жалуется самъ. Въ тоже время на этотъ роскошно распускающійся цвѣтъ, окруженный обаятельною и соблазнительною, настоящею, особенно же прошедшею славою мужа, налетѣлъ цѣлый рой шмелей, пробавляющихся чужимъ медомъ, производя несносное для уха и серд-

ца мужа жужжаніе. Имъ оставалось только указывать на прошлое супруга, который нарушилъ столько супружескихъ союзовъ и самъ же разблаговѣстилъ объ этомъ по всему свѣту, оскорбляя и нравственность и приличіе, рыцарскую почтительность къ слабому полу и простую общечеловѣческую справедливость, да нашептывать нѣжные стихи, которыхъ онъ же оставилъ свѣту больше, чѣмъ всякій другой поэтъ, на собственную погибель. И давно призываемая имъ смерть стала у него за плечами. Христіанскаго смиренія и на этотъ разъ у него не оказалось. Оказался онъ и здѣсь сыномъ вѣка, угодникомъ міра, слугою исконнаго человѣкоубійцы, какимъ былъ издавна, и самъ себѣ изрылъ яму погибели. Игра въ жизнь и смерть свою и чужую, къ который онъ приступалъ уже три раза, а готовъ былъ приступать и чаще, съ шутками и насмѣшками, которую онъ сладко воспѣвалъ въ такихъ прелестныхъ, но объективно-равнодушныхъ безъ тѣни укора стихахъ, теперь эта игра не сошла съ рукъ такъ счастливо, какъ три раза прежде. Глупая пуля, пущенная, не особенно мудрою, и потому не дрогнувшею рукою, нашла виноватаго и свалила гордаго и въ эту минуту своимъ упорствомъ мудреца. Да и въ эту роковую минуту ему мало стало самому быть убитымъ; ему непремѣнно хотѣлось быть еще и убійцею. Раздраженно — ревнивый супругъ, надъ каковыми поэтъ въ прежнее время такъ ѣдко и забавно смѣялся, теперь крайне неравнодушно отстаивалъ свое собственное семейное счастье и наказанъ за нарушеніе счастья чужаго, къ которому прежде являлъ столько веселаго и коварнаго равнодушія. Да, дѣйствительно, грѣхъ гнался за нимъ по пятамъ его, какъ левъ, и растерзалъ его своими когтями. Осталось только испустить духъ, предавъ его въ

руцѣ ли Божіи или же врага Божія, исконнаго человѣкоубійцы.

Церковь всегда осуждала поединки, проистекающіе изъ личнаго самолюбія, изъ мести за личную обиду; хотя съ мірской точки зрѣнія, нашъ поэтъ и не могъ не призывать эту развязку всѣхъ неисходныхъ затрудненій своей жизни, какъ не могъ не принять и вынужденный имъ самимъ вызовъ. Понятна сдержанность россійскаго первосвятителя, тогдашняго С.-петербургскаго митрополита Серафима, который, какъ слышалъ я еще въ началѣ 40-хъ годовъ въ С.-Петербургѣ, воспротивился отданію полныхъ погребальныхъ убитому поэту почестей личнымъ участіемъ въ отпѣваніи и вообще архіерейскимъ служеніемъ. Мимо осужденнаго церковію поединка пройдемъ съ прискорбнымъ молчаніемъ. А остановимся, въ наше назиданіе, надъ смертнымъ одромъ отходящаго поэта, чтобы видѣть, что его кончина была хотя и не безболѣзненная и не мирная, тѣмъ не менѣе все же христіанская.

„Россія“,—пишетъ кроткая и благочестивая душа—Жуковскій,—„потеряла Пушкина въ ту минуту, когда геній его, созрѣвшій въ опытахъ жизни размышленіемъ и наукою, готовился дѣйствовать полною силою. Потеря невозвратная и ничѣмъ невознаградимая. Россія лишилась своего любимаго, народнаго поэта. Онъ исчезъ для нея въ ту минуту, когда его созрѣваніе совершалось; исчезъ, достигнувъ до той поворотной черты, на которой душа наша, прощаясь съ кипучею, иногда безпорядочною силою молодости, тревожимой геніемъ, предается болѣе спокойной, болѣе образовательной силѣ зрѣлаго мужества, столь же свѣжей, какъ и первая, можетъ быть, не столь порывистой, но болѣе творческой. У кого изъ русскихъ съ его смертію не оторвалось что-то

родное отъ сердца? И между всѣми русскими особенную потерю въ немъ сдѣлалъ самъ Государь Императоръ Николай Павловичъ. При началѣ своего царствованія Государь присвоилъ поэта себѣ; Государь развязалъ руки ему въ то время, когда онъ былъ раздраженъ несчастіемъ, имъ самимъ на себя навлеченнымъ; Государь слѣдилъ за нимъ до послѣдняго его часа. Бывали минуты, въ которыя, какъ буйный, еще не остепенившійся ребенокъ, поэтъ навлекалъ на себя неудовольствіе своего высокаго хранителя; но во всѣхъ изъявленіяхъ неудовольствія со стороны Государя было что-то нѣжное, отеческое. Послѣ каждаго подобнаго случая связь между ними усиливалась: въ одномъ—чувствомъ испытаннаго имъ наслажденія простить, въ другомъ—живымъ движеніемъ благодарности, которая болѣе и болѣе проникала душу поэта и наконецъ слилась въ ней съ поэзіею. Государь потерялъ въ немъ свое созданіе, своего поэта, который принадлежалъ бы славѣ его царствованія, какъ Державинъ славѣ Екатерины, а Карамзинъ славѣ Александра. Государь отозвался умирающему на послѣдній земной крикъ его; и какъ отозвался! Какое русское сердце не затрепетало благодарностію на этотъ голосъ царскій? Въ этомъ голосѣ выразилось не одно личное, трогательное чувство, но вмѣстѣ и любовь къ народной славѣ, и высокій приговоръ нравственный, достойный царя, представителя и славы и нравственности народной.

Въ шесть часовъ вечера прострѣленный поэтъ привезенъ былъ въ отчаянномъ положеніи домой. Приняты были первыя врачебныя мѣры. Въ первыя же минуты умирающій спросилъ одного изъ врачей: „что вы думаете о моемъ положеніи, скажите откровенно?—Не могу скрыть отъ васъ,—отвѣчали ему,—вы въ опасности.—

Скажите лучше, умираю.—Считаю долгомъ не скрывать отъ васъ и того.—Благодарю васъ,—сказалъ поэтъ,—вы поступили какъ честный человѣкъ.“—Потомъ подумавъ прибавилъ: „мнѣ нужно устроить мой домъ.“—„Не желаете-ли видѣть кого изъ вашихъ ближнихъ?“—При этомъ вопросѣ поэтъ, обративъ глаза на свою библіотеку, сказалъ: „прощайте, друзья.“ Немного погодя спросилъ: „развѣ вы думаете, что я часу не проживу?“—„О, нѣтъ. Но я полагалъ, что вамъ будетъ пріятно увидѣть кого-нибудь изъ вашихъ.“—Повѣщены были друзья умирающаго; Плетневъ, Жуковскій, князь Вяземскій и другіе, которые и поспѣшили къ смертному его одру. Прибыли самые знаменитые врачи, въ числѣ ихъ врачъ государя Арендтъ. Этотъ съ перваго взгляда увѣрился, что не было никакой надежды. Принявъ нужныя мѣры и разставаясь съ умирающимъ, Арендтъ сказалъ: „ѣду къ Государю, не прикажете-ли что сказать ему?“—„Скажите“,—отвѣчалъ умирающій,—„что умираю и прошу у него прощенія.“—Прощенія у Государя просилъ онъ за себя и своего секунданта. Первымъ словомъ его женѣ было: „какъ я счастливъ! Я еще живъ и ты возлѣ меня. Будь покойна: ты не виновата; я знаю, что ты не виновата.“ А врачей просилъ, чтобы они не давали излишнихъ надеждъ женѣ, не скрывали отъ нея, въ чемъ дѣло: „она“,—говорилъ онъ,—„не притворщица; вы ее хорошо знаете. Впрочемъ дѣлайте со мною, что хотите, я на все согласенъ и на все готовъ.“ Вообще же о женѣ заботился, чтобы какъ можно меньше она была личною свидѣтельницею его страданій. Въ первый вечеръ, по желанію родныхъ и друзей поэта, одинъ изъ врачей спросилъ, не желаетъ-ли онъ исповѣдаться и причаститься. Онъ согласился охотно.—„За кѣмъ прикажете послать?“ — Возьмите перваго ближайшаго священни-

ка.“ — Положено было призвать священника утромъ. И разумно сдѣлано, что отложено было до утра; потому что съ вечера первой ночи, съ 27-го на 28-е февраля началась его душевная агонія. Къ ночи боль отъ раны возросла до высочайшей степени. То была настоящая пытка. Физіономія страждущаго измѣнилась; взоръ его сдѣлался дикъ; казалось, глаза его готовы были выскочить изъ своихъ орбитъ, чело покрылось холоднымъ потомъ, руки охолодѣли, пульса какъ не бывало. Больной испытывалъ ужасную муку, но и тутъ необыкновенная твердость его души раскрылась въ полной мѣрѣ. Готовый вскрикнуть, онъ только стоналъ, боясь, какъ онъ говорилъ, чтобы жена не услышала и не испугалась. „Зачѣмъ эти мученья?“ — говорилъ онъ, — „безъ нихъ я бы умеръ спокойно.“ Наконецъ боль, повидимому, начала утихать, но лицо выражало глубокое страданіе, руки по прежнему были холодны, пульсъ едва замѣтенъ. Эта пытка продолжалась часа два или три.

Когда Арендтъ съ вечера отправился во дворецъ, то Государя не засталъ. Около полуночи онъ получаетъ отъ Государя повелѣніе немедленно ѣхать къ умирающему прочитать ему письмо, собственноручно Государемъ къ нему написанное, и тотчасъ обо всемъ донести. „Я не лягу, я буду ждать“, приказывалъ Государь Арендту. Письмо же приказано было возвратить. И что-же стояло въ этомъ письмѣ! „Если Богъ не велитъ намъ болѣе увидѣться, посылаю тебѣ мое прощеніе и вмѣстѣ мой совѣтъ: исполнить долгъ христіанскій. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся: я беру ихъ на свое попеченіе.“ Какой трогательный конецъ земной связи между царемъ и тѣмъ, кого онъ когда-то отечески присвоилъ и кого до послѣдней минуты не покинулъ! Какъ много прекрас-

наго, человѣческаго въ этомъ порывѣ, въ этой поспѣшности захватить душу поэта на отлетѣ, очистить ее для будущей жизни и ободрить послѣднимъ земнымъ утѣшеніемъ. Я не лягу, я буду ждать! О чемъ же онъ думалъ въ эти минуты ожиданія? Гдѣ онъ былъ своею мыслію? О, конечно, передъ постелью умирающаго, его добрымъ земнымъ геніемъ, его духовнымъ отцомъ, его примирителемъ съ небомъ и собою. Когда Арендтъ прочиталъ поэту письмо Государя, то онъ вмѣсто отвѣта поцѣловалъ письмо и долго не выпускалъ изъ рукъ; но Арендтъ не могъ ему оставить письмо. Нѣсколько разъ умирающій повторялъ: „отдайте мнѣ это письмо, я хочу умереть съ нимъ. Письмо! гдѣ письмо?“ Арендтъ успокоилъ его обѣщаніемъ испросить на то позволеніе у Государя. Это произошло ночью. Въ 8 часовъ утра 28 февраля Арендтъ опять прибылъ. Въ его присутствіи прибылъ и священникъ, именно о. Петръ, что въ Конюшенной. Страдалецъ исповѣдался и причастился съ глубокимъ чувствомъ, увѣряетъ Жуковскій. Князю Вяземскому духовникъ говорилъ со слезами о благочестіи, съ коимъ умирающій исполнилъ долгъ христіанскій. Надобно замѣтить, что во все время до самаго конца, мысли его были свѣтлы и память свѣжа. Онъ призвалъ своего секунданта, и продиктовалъ ему записку о нѣкоторыхъ долгахъ своихъ. Это его однако изнурило, и послѣ онъ уже не могъ сдѣлать никакихъ другихъ распоряженій. Потомъ говоритъ: „жену! позовите жену!“—Этой прощальной минуты описать нельзя. Потомъ потребовалъ дѣтей; они спали; ихъ привели и принесли къ нему полусонныхъ. Онъ на каждаго оборачивалъ глаза молча, клалъ ему на голову руку, крестилъ и потомъ движеніемъ руки отсылалъ прочь. „Кто здѣсь?“ спросилъ онъ. Назвали Жуковскаго и Вя-

земскаго. „Позовите“. сказалъ онъ слабымъ голосомъ. Жуковскій подошелъ, взялъ его похолодѣвшую, протянутую къ нему руку, и поцѣловалъ. Сказать ему Жуковскій ничего не могъ отъ волненія. Умирающій махнулъ рукою, и Жуковскій отошелъ, но чрезъ минуту возвратился къ его постелѣ и спросилъ: „можетъ быть, увижу Государя; что мнѣ сказать ему отъ тебя?“— „Скажи“,—отвѣчалъ умирающій,—„что мнѣ жаль умереть; былъ бы весь его.“ Эти слова говорилъ онъ слабо, отрывисто. но явственно. Было очевидно, что онъ спѣшилъ сдѣлать свой послѣдній земной разсчетъ и какъ будто подслушивалъ шаги приближающейся смерти. Взявши себя за пульсъ, онъ сказалъ: „смерть идетъ.“ Когда подошелъ къ нему еще одинъ изъ друзей, умирающій посмотрѣлъ на него два раза пристально, пожавъ ему руку; казалось, хотѣлъ что-то сказать, но махнулъ рукою и только промолвилъ: „Карамзину!“ Ея не было, за нею немедленно послали, и она скоро пріѣхала. Свиданіе ихъ продолжалось только минуту; но когда эта благочестивая женщина отошла отъ постели, онъ ее кликнулъ и сказалъ: „перекрестите меня“, что та и исполнила. Арендту говоритъ: „жду царскаго слова, чтобы умереть спокойно“. Между тѣмъ когда Жуковскій доложилъ Государю слова умирающаго,— „скажи ему отъ меня,“—приказалъ Государь,—„что я поздравляю его съ исполненіемъ христіанскаго долга; о женѣ же и дѣтяхъ онъ безпокоиться не долженъ: они мои“.—Жуковскій возвратился къ умирающему съ утѣшительнымъ словомъ Государя. Выслушавъ благовѣстника, поэтъ поднялъ руки къ небу съ какимъ-то судорожнымъ движеніемъ. „Вотъ какъ я утѣшенъ!“ — сказалъ онъ,—„скажи Государю, что я желаю ему долгаго, дол-

гаго царствованія, что я желаю ему счастія въ его сынѣ, что я желаю ему счастія въ его Россіи".

Сперва предписанія врачей онъ всѣ отвергалъ упрямо, будучи испуганъ своими муками и жадно желая смерти для ихъ прекращенія. Но далѣе сдѣлался послушенъ, какъ дитя; и помогалъ тѣмъ, кои около него суетились. „Худо мнѣ", говоритъ страдалецъ одному изъ врачей (Далю) съ улыбкою. Но этотъ врачъ, дѣйствительно имѣвшій болѣе другихъ надежды, отвѣчалъ ему: „мы всѣ надѣемся, не отчаявайся и ты".—„Нѣтъ!" возразилъ онъ,— „мнѣ здѣсь не житье, я умру, да видно такъ и надо". Затѣмъ страдалецъ взялъ его за руку и спрашиваетъ: „скажи мнѣ правду, скоро ли я умру?"— „Мы за тебя надѣемся, право надѣемся".—„Ну, спасибо!" отвѣчалъ онъ. Но повидимому, только однажды и обольстился онъ утѣшеніемъ надежды; ни прежде ни послѣ этой минуты онъ ей не вѣрилъ. Почти всю ночь на 29-е число, онъ мучился менѣе отъ боли, нежели отъ чрезмѣрной тоски. „Ахъ! какая тоска!" — иногда восклицалъ онъ, закидывая руки на голову, — „сердце изнываетъ!" Тогда просилъ онъ, чтобы подняли его, или поворотили и не давъ кончить этого, останавливалъ обыкновенно словами: „такъ, такъ хорошо; вотъ и прекрасно, и довольно". Женѣ онъ велѣлъ передавать, что „все слава Богу, легко". Между тѣмъ посылая ободрить жену надеждою, умирающій самъ не имѣлъ никакой. Однажды спросилъ онъ: „который часъ?" и получивъ отвѣтъ, продолжалъ прерывающимся голосомъ: „долго ли... мнѣ... такъ мучиться?... Пожалуста... поскорѣй"!... Это повторялъ онъ нѣсколько разъ: „скоро ли конецъ"?... и всегда прибавлялъ: „пожалуста поскорѣй"!... Но вообще послѣ мукъ первой ночи, онъ былъ удивительно терпѣливъ. Ни одной жалобы, ни одного упрека, ни

одного холоднаго черствaго слова. Если онъ и просилъ врачей не заботиться о продолженіи его жизни, то единственно оттого, что зналъ о неминуемости смерти и терпѣлъ ужаснѣйшія мученія. Знаменитый врачъ Арендтъ, который видѣлъ много смертей на своемъ вѣку, и на поляхъ сраженій, и на болѣзненныхъ одрахъ, отходилъ отъ постели его со слезами на глазахъ и говорилъ, что никогда не видѣлъ ничего подобнаго, такого терпѣнія при такихъ страданіяхъ. Въ продолженіи особенно первой томительной долгой ночи, „глядѣлъ я“, — пишетъ другой врачъ (Даль), одинъ остававшійся у постели умирающаго, — „съ душевнымъ сокрушеніемъ на эту таинственную борьбу жизни и смерти. Ужасъ невольно обдавалъ меня съ головы до ногъ. Я сидѣлъ, не смѣя дохнуть и думалъ: вотъ гдѣ надо изучать опытную мудрость философіи жизни, здѣсь, гдѣ душа рвется изъ тѣла; гдѣ живое мыслящее совершаетъ страшный переходъ въ мертвое и безотвѣтное“... Когда тоска и боль его одолѣвали, онъ дѣлалъ движеніе руками или отрывисто стоналъ, но такъ, что почти не могли его слышать. „Терпѣть надо, другъ, дѣлать нечего“, сказалъ ему врачъ, „но не стыдись боли своей, стонай, тебѣ будетъ легче“. — „Нѣтъ,“ отвѣчалъ онъ прерывчиво: „нѣтъ..., не надо... стонать;.... жена.... услышитъ;.... смѣшно же... чтобъ это.... меня.... пересилило.... не хочу“. Когда желая вывѣдать, въ какихъ чувствахъ умираетъ онъ къ своему убійцѣ, его секундантъ спросилъ, „не поручитъ ли онъ ему чего нибудь, въ случаѣ смерти, касательно этого человѣка“?—„требую“,— отвѣчалъ умирающій, — „чтобы ты не мстилъ за мою смерть; прощаю ему и *хочу умереть христіаниномъ*“.

Поутру 29-го февраля сказано рѣшительно, что ему не пережить дня. Дѣйствительно, пульсъ ослабѣлъ и

началъ упадать примѣтно, руки начали остывать. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами; иногда только подымалъ руки. Около 12 часовъ больной спросилъ зеркало, посмотрѣлъ въ него и махнулъ рукой. Ударило два часа пополудни, 29 января, — и въ страдальцѣ оставалось жизни на три четверти часа. Бодрый духъ еще сохранялъ могущество свое; изрѣдка только полудремота, забвеніе на нѣсколько секундъ туманили мысли и душу. Тогда умирающій, нѣсколько разъ, подавалъ врачу (Далю) руку, сжималъ и говорилъ: „подымай же меня, пойдемъ, да выше, выше, пойдемъ“. Явно стало, что „отходитъ“! Но умирающій открылъ глаза и сказалъ внятно: „позовите жену“. Жена опустилась на колѣни у изголовья умирающаго, и приникла лицомъ къ челу мужа, а послѣдній, положивъ ей руку на голову, сказалъ: „Ну, ничего, слава Богу, все хорошо, поди“. Видя наступленіе послѣдней минуты, друзья, ближніе молча окружили изголовье отходящаго. Докторъ Даль, по просьбѣ его, взялъ его подъ руки и приподнялъ повыше. Онъ вдругъ будто проснулся, быстро раскрылъ глаза, лицо его прояснилось и онъ сказалъ: „кончена жизнь“. Докторъ не дослышалъ и спросилъ тихо: „что кончено?“ — „Жизнь кончена“, отвѣчалъ онъ внятно и положительно. „Тяжело дышать, давитъ“, были послѣднія слова его.

Тутъ всемѣстное спокойствіе разлилось по всему тѣлу, руки и ноги остыли. Отрывистое, частое дыханіе измѣнялось болѣе и болѣе въ медленное, тихое, протяжное. Еще одинъ слабый, едва замѣтный вздохъ,—и пропасть необъятная, неизмѣримая раздѣлила живыхъ отъ мертваго. Онъ скончался такъ тихо, что предстоящіе не замѣтили смерти его. „Мы долго стояли надъ нимъ,— пишетъ Жуковскій,—молча, не шевелясь, не смѣя на-

рушить таинства смерти, которое совершилось предъ нами во всей умилительной святынѣ своей. Когда всѣ ушли, я сѣлъ передъ нимъ, и долго одинъ смотрѣлъ ему въ лицо. Никогда на этомъ лицѣ я не видѣлъ ничего подобнаго тому, что было на немъ въ эту первую минуту смерти. Голова его нѣсколько наклонилась; руки, въ которыхъ было за нѣсколько минутъ какое-то судорожное движеніе, были спокойно протянуты, какъ будто упавшія для отдыха послѣ тяжелаго труда. Но что выражалось на его лицѣ, я сказать словами не умѣю. Оно было для меня такъ ново и въ тоже время такъ знакомо. Это не было ни сонъ, ни покой; не было выраженіе ума, столь прежде свойственное этому лицу; не было также выраженіе поэтическое; нѣтъ! какая-то важная, удивительная мысль на немъ развивалась; что-то похожее на видѣніе, на какое-то глубоко-удовлетворяющее знаніе. Всматриваясь въ него, мнѣ все хотѣлось у него спросить: что видишь, другъ? И чтобы онъ отвѣчалъ мнѣ, если бы могъ на минутку воскреснуть? Вотъ мунуты въ жизни нашей, которыя вполнѣ достойны названія великихъ. Въ эту минуту, можно сказать, я увидѣлъ лицо самой смерти божественно-тайное, лицо смерти безъ покрывала. Какую печать на него наложила она! И какъ удивительно высказала на немъ и свою и его тайну! Я увѣряю, что никогда на лицѣ его не видалъ я выраженія такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она конечно таилась въ немъ и прежде, будучи свойственна его высокой природѣ; но въ этой чистотѣ обнаружилась только тогда, когда все земное отдѣлилось отъ него съ прикосновеніемъ смерти. Таковъ былъ конецъ нашего Пушкина.“

„Пушкинъ заставилъ всѣхъ присутствующихъ,“— пишетъ другой очевидецъ,—„сдружиться со смертью,

такъ спокойно онъ ожидалъ ее, такъ твердо былъ увѣренъ, что послѣдній часъ его ударилъ.“ Третій очевидецъ (Плетневъ) говорилъ: „глядя на Пушкина, я въ первый разъ не боюсь смерти.“ „Ручаюсь совѣстію,“— пишетъ князь Вяземскій.—„что нѣтъ тутъ лишняго слова и никакого преувеличенія. Пушкинъ принадлежитъ не однимъ ближнимъ и друзьямъ, но и отечеству, и исторіи. Надобно, чтобы память о немъ сохранилась въ чистотѣ и цѣлости истины. Изъ сказаннаго здѣсь можно видѣть, въ какихъ чувствахъ, и въ какомъ расположеніи ума и сердца своего кончилъ жизнь Пушкинъ. Дай Богъ и намъ каждому подобную кончину. О томъ, что было причиною этой кровавой и страшной развязки, говорить много нечего. Многое осталось въ этомъ дѣлѣ темнымъ и таинственнымъ для насъ самихъ. Всѣ признаютъ эту бѣдственную исторію какою-то фатальностію, которую невозможно объяснить и невозможно было предупредить.“

Да, это былъ приговоръ Провидѣнія, спасительная мѣра Божія человѣколюбія. Богъ послалъ почившему бѣдственную кончину, *да судъ пріиметъ онъ по человѣку плотію, поживетъ же по Бозѣ* и въ Бозѣ великимъ своимъ *духомъ*. Евангельскому разбойнику нужно было умереть на крестѣ, чтобы изречь свое исповѣданіе: *помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи твоемъ*, и услышать обѣтованіе: *аминь глаголю тебѣ: днесь со Мною будеши въ раи*. Видно, благочестивѣйшій государь Николай Павловичъ, предъ которымъ была раскрыта душа поэта, имѣлъ основаніе преподать ему напутственный во гробъ совѣтъ исполнить христіанскій долгъ. И это основаніе заключалось, безъ сомнѣнія, въ половинчатой вѣрѣ почившаго, въ вѣрѣ, перемѣшанной съ невѣріемъ, заглушенной многими заблужденіями ума и

сердца. Умирая въ тяжкихъ мукахъ на своемъ крестѣ, рабъ Божій Александръ, мы вѣримъ, только въ эту минуту воззвалъ къ милосердію Отца небеснаго рѣшительнымъ гласомъ блуднаго сына: *Отче! согрѣшихъ на небо и предъ Тобою, ѝнѣсмь достоинъ нарещися сынъ твой. Но пріими мя якоже единаго отъ наемникъ твоихъ.*

А говорили мы все это, чтобы выяснить себѣ и другимъ, что величайшій нашъ поэтъ былъ дѣйствительно любимый сынъ Отца небеснаго, былъ въ жизни сынъ заблуждающійся, а въ тяжкой смерти сынъ кающійся; что онъ родился христіаниномъ, жилъ полу-христіаниномъ и полу-язычникомъ, а умеръ христіаниномъ, примиреннымъ со Христомъ и церковію.

Говорить ли теперь о томъ, почему, за что это мы молимся о рабѣ Божіемъ Александрѣ? Въ отвѣтъ скажемъ одно, что онъ принадлежитъ къ числу величайшихъ людей россійской исторіи. Дѣйствительно онъ памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный, вѣчный, да, ѝвѣчный, насколько вѣчно что либо въ подлунной,—памятникъ, который вознесся главою непокорной выше александрійскаго столпа. Возьмите во вниманіе, что Гомеръ и Софоклъ, Виргилій и Горацій осіяли свое отечество славою больше, чѣмъ самые славные народные вожди. Самые народы уже умерли, а слава поэтовъ и мыслителей живетъ. Вліяніе народныхъ вождей на все человѣчество или вовсе не простиралось, или давно уже кончилось; вліяніе же поэтовъ, ораторовъ, философовъ простирается во всѣ концы земли, живетъ и переживетъ вѣка и тысячелѣтія. Таковъ и нашъ Пушкинъ, величайшая слава нашего отечества, настоящее и будущее всемірное вліяніе русскаго генія и русскаго духа. Стоитъ ли намъ помолиться за него!

Другой вопросъ, имѣемъ ли мы право молиться за

него? Родился онъ христіаниномъ; жилъ хотя и полухристіаниномъ, но умеръ христіаниномъ, примиреннымъ съ Богомъ и совѣстію и Христовою церковію; умеръ кающимся сыномъ Отца небеснаго; умеръ въ мукахъ наложеннаго имъ на себя креста, какъ и евангельскій разбойникъ умеръ на заслуженномъ же имъ крестѣ, съ воплемъ покаянія и вѣры и надежды внити въ рай вслѣдъ за симъ распятымъ Спасителемъ.

Вопросъ въ томъ, о чемъ намъ слѣдуетъ молиться въ эту минуту? О, о многомъ. О почившемъ, а еще больше о себѣ. Идя на крестную смерть, Христосъ Господь сказалъ Іерусалимлянамъ: *не плачьте о Мнѣ; плачьте о себѣ и чадахъ вашихъ.* Вѣруемъ, что и въ эту минуту несется къ намъ съ неба подобный же гласъ: молитесь и о мнѣ, по нравственно-христіанскому долгу— поминать своихъ людей великихъ, строившихъ земли родной минувшую судьбу, за славу, за добро, а за грѣхи, за темныя дѣянія Спасителя смиренно умолять, но молитесь и о себѣ. Достоевскій назвалъ нашего Пушкина всечеловѣкомъ. Назвалъ въ томъ смыслѣ, что великій поэтъ ничего человѣческаго не считалъ для себя чуждымъ, напротивъ былъ знаменательнѣйшимъ воплощеніемъ и выразителемъ свойствъ и стремленій человѣческой природы. Въ отношеніи же къ народу русскому былъ величайшимъ выразителемъ обще-народныхъ нашихъ и доблестей и недостатковъ и стремленій. Стоя на грани исполнившагося тысячелѣтія русской исторіи, онъ былъ произведеніемъ всего прошедшаго Россіи, какъ и своего времени и своего круга; а въ отношеніи къ будущему нашего народа былъ не только предвѣстіемъ, но и предначаломъ теперь уже наступившаго и развивающагося и грядущаго наклона русскаго народнаго духа, особенно въ высшей интеллигентной сферѣ, ко-

торая дѣлаетъ нашу народную исторію. О немъ помолимся, чтобъ не отяготѣлъ надъ нимъ небесный приговоръ, напророченный подобнымъ ему еще при жизни на землѣ народнымъ же нашимъ поэтомъ Крыловымъ *). О себѣ помолимся, чтобы съ его примѣра не разливался между нами языческій культъ. Посмотрите, до него всѣ наши лучшіе писатели, Ломоносовъ, Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій были истинные христіане. Съ него же, наоборотъ, лучшіе писатели стали прямо и открыто совращаться въ язычество, каковы Бѣлинскій, Тургеневъ, графъ Левъ Толстой. Литература и такъ называемая наука во многомъ, въ конечныхъ выводахъ, становятся языческими; нравы также. Развратъ становится догматомъ и принципомъ. Религія въ интеллигентномъ кругѣ изъ житейскаго обихода исключается. Даровитѣйшіе самые модные изъ писателей

*) И какъ выразительно-грозно звучитъ въ эту минуту это предсказаніе, которое никакъ нельзя назвать и баснею, а должно назвать высоко обличительною и пророчественною притчею.

Сочинитель и разбойникъ.

Въ жилище мрачное тѣней
На судъ предстали предъ судей,
Въ одинъ и тотъ же часъ: грабитель
(Онъ по большимъ дорогамъ разбивалъ,
И въ петлю наконецъ попалъ);
Другой былъ славою покрытый сочинитель:
Онъ тонкій разливалъ въ своихъ твореньяхъ ядъ,
Вселялъ безвѣріе, укоренялъ развратъ,
Былъ, какъ сирена, сладкогласенъ
И, какъ сирена, былъ опасенъ.
Въ аду обрядъ судебный скоръ;
Нѣтъ проволочекъ безполезныхъ:

взываютъ къ общественному перевороту. Самоубійство распространяется, какъ язва, какъ епидемія. Самоубійцы открыто и торжественно фетируются, какъ доблестные подвижники, самоотверженные исполнители гражданскаго и нравственнаго долга. Современная юриспруденція хлопочетъ снять кару закона съ поединковъ. Послѣдователи поэта въ его полу-вѣрѣ, полу-невѣріи, хотятъ поставить не только памятникъ ему, но и крестъ Христовъ на мѣстѣ его поединка, гдѣ онъ погибъ самоубійствомъ и хотѣлъ, но не успѣлъ сдѣлаться убійцей... Положимъ, человѣкъ повѣсился на деревѣ, дерево срубить, а на его мѣстѣ поставить крестъ, хорошо ли?.... Помолимся, да сгонитъ Господь эту тучу ум-

---

Въ минуту сдѣланъ приговоръ.
На страшныхъ двухъ цѣпяхъ желѣзныхъ
Повѣшены большихъ чугунныхъ два котла;
Въ нихъ виноватыхъ разсадили.
Дровъ подъ разбойникомъ большой костеръ взвалили,
Сама Мегера ихъ зажгла,
И развела такой ужасный пламень,
Что трескаться сталъ въ сводахъ адскихъ камень.
Судъ къ сочинителю, казалось, былъ нестрогъ:
Подъ нимъ сперва чуть тлѣлся огонекъ:
Но тамъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣ разгорался.
Ботъ вѣки протекли, огонь не унимался.
Ужъ подъ разбойникомъ давно костеръ погасъ;
Подъ сочинителемъ онъ злѣй съ часу—на—часъ.
Не видя облегченья,
Писатель наконецъ кричитъ среди мученья,
Что справедливости въ богахъ ни мало нѣтъ;
Что славой онъ наполнилъ свѣтъ,
И ежели писалъ немножко вольно,
То слишкомъ ужъ за то наказанъ больно;
Что онъ не думалъ быть разбойника грѣшнѣй.

ственнаго омраченія, нагнанную отчасти и предосудительнымъ примѣромъ поэта. Припомнимъ, что этотъ примѣръ сразу же увлекъ за собой и другую злосчастную жалостную жертву, безвременно погибшее высокое же дарованіе, Лермонтова. Не разъ также стрѣлялся на дуэляхъ и Грибоѣдовъ, который также накликалъ себѣ кровавую безвременную смерть. Что за несчастіе нашимъ писателямъ умирать бѣдственно или на дуэляхъ, или въ кровавыхъ схваткахъ, или отъ преждевременной чахотки, или въ сумасшествіи, или въ вольномъ изгнаніи на чужбинѣ? Помолимся.... Помолимся о томъ, чтобы подражатели великаго поэта, въ слѣдованіи языческому культу по вѣрѣ и нравамъ, послѣдовали за

Тутъ передъ нимъ, во всей красѣ своей,
Съ шипящими между волосъ змѣями,
Съ кровавыми въ рукахъ бичами,
Изъ адскихъ трехъ сестеръ явилася одна.
«Несчастный!» говоритъ она:
«Ты ль Провидѣнію неяешь?
И ты ль съ разбойникомъ себя равняешь?
Передъ твоей ничто его вина.
По лютости своей и злости,
Онъ вреденъ былъ,
Пока лишь жилъ;
А ты... уже твои давно истлѣли кости,
А солнце разу не взодетъ
Чтобъ новыхъ отъ тебя не освѣтило бѣдъ.
Твоихъ твореній ядъ не только не слабѣетъ,
Но, разливаяся, вѣкъ—отъ—вѣку лютѣетъ.
Смотри (тутъ свѣтъ ему узрѣть она дала),
Смотри на злыя всѣ дѣла
И на несчастія, которыхъ ты виной!
Вотъ дѣти, стыдъ своихъ семей,

нимъ и въ усиліяхъ его передѣлать свой нравственный строй по высочайшему, безупречно чистому идеалу Христова евангелія, въ его искреннемъ раскаяньи въ послѣднія минуты жизни и въ христіанской кончинѣ, по примиреніи съ Богомъ и совѣстію и церковію Христовою. Его высоко-замѣчательный примѣръ пусть убѣдитъ каждаго, что высокому всеобъемлющему духу трудно выдержать безусловное отрицаніе до конца, особенно же, во дни тяжелой невзгоды и въ предсмертные часы, при переходѣ изъ этого міра въ загробный; трудно не по малодушію, но по непререкаемой логикѣ человѣческой природы. Къ числу извѣстныхъ

Отчаянье отцовъ и матерей:
Кѣмъ умъ и сердце въ нихъ отравлены?—Тобою.
Кто, осмѣявъ, какъ дѣтскія мечты,
Супружество, начальства, власти,
Имъ причиталъ въ вину людскія всѣ напасти,
И связи общества рвался расторгнуть?—Ты.
Не ты ли величалъ безвѣрье просвѣщеньемъ?
Не ты ль въ приманчивый, въ прелестный видъ облекъ
И страсти, и порокъ?
И вонъ, опоена твоимъ ученьемъ,
Тамъ цѣлая страна
Полна
Убійствами и грабежами,
Раздорами и мятежами,
И до погибели доведена тобой!
Въ ней каждой капли слезъ и крови ты—виной.
И смѣлъ ты на судьбу хулой вооружиться?
А сколько впредь еще родится
Отъ книгъ твоихъ на свѣтѣ золъ!
Терпи жъ: здѣсь по дѣламъ тебѣ и казни мѣра!»
Сказала гнѣвная Мегера—
И крышкою захлопнула котелъ.

въ этомъ отношеніи примѣровъ мы присоединимъ еще одинъ, что единомышленники извѣстнаго отрицателя Чернышевскаго, заключенные съ нимъ въ крѣпости, предъ ссылкою всѣ до единаго искренно исповѣдывались и причащались, кромѣ самого Чернышевскаго, который разсуждалъ о вѣрѣ съ духовникомъ охотно, но исповѣдаться и причаститься отказался по той суетной причинѣ: „что—де скажутъ о Чернышевскомъ?“ Это я слышалъ тогда же отъ самого духовника (протоіерея Петропавловскаго собора въ С.-Петербургѣ Василія Петровича Полисадова). Впрочемъ послѣдняя пѣсня самого Чернышевскаго еще не спѣта, еще впереди; вѣруемъ, что за молитвы христолюбиваго его родителя *) умретъ и онъ христіаниномъ. Теперь вотъ и Бэръ, извѣстный безбожникъ, многоученый министръ народнаго омраченія во Франціи, сдѣлавшій тамъ столько зла христіанству, изгнавшій его изъ французскаго воспитанія, и этотъ предъ смертію раскаялся и возвратился въ лоно своей родной церкви. Помолимся, чтобъ и о славномъ нашемъ поэтѣ, нынѣ поминаемомъ рабѣ Божіемъ Александрѣ, какъ и о всякой раскаявшейся христіанской душѣ, которая въ жизни имѣла несчастье поколебаться въ вѣрности Богу, было изречено на небѣ въ вѣчности: *возвеселитися и возрадоватися подобаше, яко сей сынъ Отца небеснаго мертвъ бѣ и оживе, и изгибль бѣ и обрѣтеся.* Аминь.

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

*) Бывшаго саратовскаго каѳедральнаго протоіерея, богобоязненнаго и строгаго служителя Божія.

иконы, находящейся на Св. Аѳонской горѣ. Церк. печ. съ кинв. М. 1887 г. Цѣна 25 к., за пересылку отъ 1 до 4 экзем. 20 к.

Акаѳистъ Б М., именуемой Скоропослушница, съ изображеніемъ чудотворной Ея иконы, находящейся на Св. Аѳонской горѣ. Церк. печ. съ кинварью. Москва. 1887 г. Цѣна 20 к., за пересылку отъ 1 до 4 экзем. 25 к.

Служба и акаѳистъ св. великомученнику и цѣлителю Пантелеимону, съ изображеніемъ его Церк. печ. Изд. 2-е. Моск. 1883 г., ц. 40 к., за перес. отъ 1 до 2 экз. 20 к.

Акаѳистъ св великомученику и цѣлителю Пантелеимону, съ изображеніемъ его. Церк. печ. съ кинв. изд. 8-е. Моск. 1887 г.; ц. 20 к., за пер. отъ 1 до 6 экз. 25 к.

Акаѳистъ св. великомученику и цѣлителю Пантелеимону, съ изображеніемъ его. Гражд. печ. изд. 10-е. М. 1887 г.; ц. 10 к., за пересылку отъ 1 до 6 экз. 15 к.

Акаѳистъ св. Іоанну Предтечѣ, съ изображеніемъ Его. Цер. печ. Изд. 4-е. Москва, 1883 г.; ц. 30 к , за перес. отъ 1 до 5 экз. 20 к.

Акаѳистъ св. Іосифу обручнику. Церк. печ. Изд. 2-е. С. П. Б. 1873 г.; цѣна 15 к. за пересылку отъ 1 до 10 экз 20 к.

Акаѳистъ Святителю Саввѣ, Архіепископу Сербскому, подвизавшемуся на св. Аѳонской горѣ, съ изображеніемъ его. Церк. печ. съ кинварью. Москва 1887 г. Цѣна 30 к., за пересылку отъ 1 до 4 экземпляровъ 20 к.

Житіе преподобнаго Петра, подвизавшагося на св. Аѳонской Горѣ; съ изображеніемъ его. Изд 4-е. Москва 1886 г.; ц. 10 к., за перес. отъ 1 до 8 экз. 20 к.

Житіе св. Аѳанасія Аѳонскаго, основателя общежитія на Аѳонѣ. Изд. 5-е. Москва. 1887 г.; ц. 10 к., за пересылку отъ 1 до 3 экз. 20 к

Аѳонскіе современные подвижники. Издан. 7-е. Москва 1887 г. Цѣна 5 коп., за пересылку отъ 1 до 7 экземпляровъ 20 коп.

Добротолюбіе, въ русскомъ переводѣ, дополненное. Перевод. епис. *Ѳеофана*. Томъ 1-й, изд. 2-е. Москва 1883 г.; ц. 3 р. 50 к., съ пересылкою 4 р.

Тоже томъ 2-й Изд. 1-е. Москва 1884 г ; ц. 4 руб., съ пересылкою 4 р. 60 коп.

Псалтирь или Богомысленныя размышленія Св. Ефрема Сиріанина. На веленевой бумагѣ, съ изображеніемъ его, исправл. изд. 4-е. М 1884 г.; ц. 50 к., съ пересылкою 70 к.

Цвѣтникъ духовный Назидательныя мысли и добрые совѣты, избранные изъ твореній мужей мудрыхъ и святыхъ. Въ 2-хъ частяхъ. Въ 30 лист. печатн. Изд. 2-е Москва. 1882 г.; цѣна 1 р. 30 коп., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Писанія Преподобнаго АнтоніяВеликаго. Новое изд. М. 1883 г ; ц. 60 к. съ перес. 80 к.

Писанія Преподобнаго Аввы Исаіи Отшельника. Переводъ съ Греческаго. Новое изд Моск. 1883 г.; ц. 1 р, съ пересылкою 1 р. 20 к

Преподобнаго отца нашего Исихія, пресвитера Іерусалимскаго, поученіе душеполезное и спасительное о добродѣтели и трезвѣніи, заключающее въ себѣ 202 главы. Изд. 5-е. Моск. 1886 г ; ц. 12 к., за пересылку отъ 1 до 5 экз 20 к.

Маргаритъ, избранныя святоотеческія изреченія, руководящія къ вѣчному блаженству. (Преимущественно для монашествующихъ женскаго пола). Изд. 3-е. М. 1882 г.; ц. 50 к , за пересылку 20 к.

Невидимая брань Блаженной памяти старца Никодима святогорца. Переводъ съ греческаго. Еписк. Ѳеофана. Новое изданіе. Москва. 1886 г., ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Мысли на каждый день года по церковнымъ чтеніямъ изъ Слова Божія. Сочиненіе Еписк. Ѳеофана. Новое изданіе. Москва. 1881 г.; ц. 75 к., съ пересылкою 1 р.

Что есть духовная жизнь и какъ на нее настроиться. Письма Еп. Ѳеофана. Од. Изд. 2-е. 1886 г.; ц. 75 к., съ пересылкою 1 р.

Слова на Господскіе Богородичные и торжественные дни. Соч Еписк. Ѳеофана. Новое издан. Москва 1883 г.; ц. 75 коп., съ перес. 1 руб.

О покаяніи и причащеніи св. Христовыхъ Таинъ и исправленіи жизни. Слова епис. Ѳеофана въ св. Четыредесятницу и приготовительныя къ ней недѣли. Изданіе 2-е. 1869 г.; цѣна 75 к.; за пересылку 25 коп.

Краткіе мысли на каждый день года, расположенныя по числамъ мѣсяцевъ. Е. Ѳ. Нов. изданіе. Москва 1882 г.; цѣна 15 к., съ пересылкою 20 коп.

Путь ко спасенію Сочиненіе еписк. *Ѳеофана*, въ трехъ отдѣлахъ. Изд. 5-е. Моск. 1884 г.; цѣна 75 к , за пересылку 25 коп.

Что потребно покаявшемуся и вступившему на добрый путь спасенія. Еписк. Ѳеофана. Новое изданіе. Москва 1882 г.; цѣна 20 к. съ пересылкою 25 коп.

Письма о духовной жизни Епископа *Ѳеофана*. Новое изданіе. Москва 1882 г.; цѣна 60 коп., съ пересылкою 80 коп.

Іисусъ Христосъ на Голгоѳѣ или семь Его словъ на Крестѣ. Изд. 9-е. Моск. 1881 г.; цѣна 25 к.; за пересылку 20 к.

Черты дѣятельнаго благочестія. Изд. 3-е. 1885 г.; ц. 50 к., за пересылку 20 к.

Догматъ о поклоненіи Пресвятой Богородицы и Приснодѣвы Маріи, по Стефану Яворскому. Изд. 2-е. М. 1887 г. Цѣна 10 к., за пересылку отъ 1 до 5 экзем. 20 к.

Догматъ о святыхъ иконахъ, Изд 2-е. Москва, 1887 г. Цѣна 12 коп., за пересылку отъ 1 до 5 экземп. 20 к.

Догматъ о знаменіи Честнаго Креста, Изд 2-е. Моск. 1887 г. Цѣна 12 к., за пересылку отъ 1 до 5 экзем 20 к.

Догматъ о почитаніи святыхъ мощей. Изд 2-е. М. 1886 г. Цѣна 10 к., за пересылку отъ 1 до 7 экзем. 20 к.

Догматъ о святѣйшей Евхаристіи, т е о таинствѣ Тѣла Христова и Крови Его. Изд 2-е. Москва. 1887 г. Цѣна 10 к., за пересылку отъ 1 до 5 экзем. 20 к.

Догматъ о почитаніи и призываніи Святыхъ. Изд 2-е. Моск. 1886 г. Цѣна 15 к., за пересылку отъ 1 до 4 экзем. 20 к.

Догматъ о прославленіи праведниковъ на небеси въ церкви торжествующей. Изд. 2-е. М. 1886 г. Цѣна 10 к., за пересылку отъ 1 до 5 экзем. 20 к.

Догматъ о поминовеніи усопшихъ Изд. 2-е. Москва. 1886 г. Цѣна 15 к., за пересылку отъ 1 до 4 экзем. 20 к.

Догматъ о святѣйшей литургіи, или о безкровной жертвѣ. Изд. 2-е. М. 1886 г. Пѣна 15 к., за пересылку отъ 1 до 4 экземп. 20 к.

Догматъ о святыхъ церковныхъ постахъ. Изд. 2-е. М. 1887 г. Цѣна 12 коп., за пересылку отъ 1 до 5 экзем. 20 к.

Догматъ о добрыхъ дѣлахъ, необходимыхъ для спасенія. Изд. 2-е. М. 1887 г. Цѣна 8 к., за пересылку отъ 1 до 7 экзем 20 к.

Догматъ о преданіяхъ. Изд. 2-е. Моск. 1887 г. Цѣна 10 к., за пересылку отъ 1 до 5 экзем. 20 к.

О совершенномъ обращеніи къ Богу отъ прелестей міра и грѣха. (Изъ словъ Епис. копа Ѳеофана) Новое изданіе. Москва. 1887 г.; цѣна 10 коп., за пересылку отъ 1 до 5 экзем. 20 коп.

Смыслъ и значеніе Православно-христіанскаго ежедневнаго богослуженія. Изд. 2-е. М. 1887 г.; ц 20 к., за перес. отъ 1 до 3 экз. 20 к.

Христіанское ученіе о царской власти и обязанностяхъ вѣрноподанныхъ. Собралъ Порфирій Кременецкій. Москва. 1888 г. Цѣна 15 к., съ пересылкой 20 к.

Согласно ли съ Евангеліемъ дѣйствовалъ и училъ Лютеръ. Изданіе 5-е. Москва. 1888 г. Цѣна 30 коп., съ пересылкою 40 коп.

О Богослужебномъ храмѣ, мысли вкратцѣ извлеченныя изъ проповѣдей Филарета митрополита московскаго. Собралъ Порфирій Кременецкій. Москва. 1888 г. Цѣна 15 о п., съ пересылкою 20 коп.

Слава Богоматерм. Ученіе 1. О благодатномъ совершенствѣ и добродѣтеляхъ богоматери: 2. О подражаніи добродѣтелямъ Богоматери, о благоговѣйномъ почитаніи и прославленіи ея. Москва. 1888 г. Цѣна 40 коп., съ перес. 50 к.

Бесѣда преосвященнаго Никанора, архіепископ. Херсонскаго и Одесскаго, въ недѣлю блуднаго сына, при поминовеніи раба божія Александра (поэта Пушкина), по истеченіи 50-ти лѣтія по смерти его. Изд. 2-е. Моск. 1889 г. Цѣна 10 коп., за пересылку отъ 1 до 5 экз. 20 коп

Кромѣ означенныхъ здѣсь книгъ издано Аѳонскимъ Пантелеимоновымъ монастыремъ еще много разныхъ мелкихъ книжекъ, брошюръ и листковъ, помѣщенныхъ въ полномъ каталогѣ, особо отпечатанномъ.

КНИГИ ЭТИ ПРОДАЮТСЯ:

Въ *С.-Петербургѣ*: на Ново-Аѳонскомъ Подворьѣ, на углу Забалканскаго проспекта и 2-й роты Измайловскаго полка.

С.-Петербургскаго православнаго братства во имя Пресвятыя Богородицы, въ Александро-Невской Лавры.

Въ Синодальной книжной лавкѣ, въ зданіи Св. Синода, на Петровской площади.

Въ книжномъ магазинѣ *И. Л. Тузова*, на Большой Садовой, противъ Гостинаго двора, домъ Коровина № 16, магазинъ № 2.

Въ Москвѣ: въ складѣ Отдѣла **распространенія духовно-нравственныхъ книгъ, на Петровкѣ, въ Высокопетровскомъ монастырѣ.**

А также **у Алексѣя Дмитріевича Ступина, на Никольской улицѣ.**

СКЛАДЪ **изданія при Аѳонской часовнѣ Св. Великомученика Пантелеимона, въ Москвѣ, на Никольской улицѣ, у Владимірскихъ воротъ.**

Желающіе выписывать книги, или Св. иконы и изображенія на бумагѣ съ Св. Аѳонской горы, Пантелеимонова монастыря, благоволятъ адресовать такъ:

Въ *г. Одессу,* въ домъ Русскаго Аѳонскаго Пантелеимонова монастыря, на Рыбной улицѣ, Настоятелю онаго монастыря, Архимандриту Макарію съ братіею до востребованія.

Отъ Московскаго духовно-цензурнаго Комитета, печатать позволяется. Москва Сентября 15 дня, 1888 года.

Цензоръ Священникъ *Григорій Дьяченко.*